Мария Верховская

ТРОПЫ ДОЛИ

СЛУЧАЙНОСТИ

Доля

Мария Верховская

Тропы доли. Случайности

«Автор»
2026

Верховская М.

Тропы доли. Случайности / М. Верховская — «Автор», 2026 — (Доля)

В царстве, где за мнимое колдовство сжигают заживо, девицу с колючим взглядом считают ведьмой. Она спасается смекалкой, наблюдательностью и кочергой. Но вынужденный союз под предлогом сделки лишь приближают огонь костра.

© Верховская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Тропы доли. Случайности

Глава 1

Ранние осенние сумерки опустились на деревушку близ темного леса вместе с густым туманом. Люди попрятались по домам от стужи, затянувшей лужи тонкой коркой льда. То тут, то там лаяли и подвывали собаки, то ли от холода, то ли чуя нечто жуткое рядом.

Внезапно от деревьев, напоминающих чудищ с растопыренными руками-ветками, отделилась невысокая фигура. Она шла не спеша, немного покачиваясь и походила на морок, поднявшийся из могилы. Неслышно, будто тень, она подплыла к крайнему дому и, поднявшись на крыльцо, постучала костяшками тонких пальцев.

Через несколько минут раздался стук и поскрипывание. Дверь открыл хозяин дома — суровый мужик в простой рубахе и портах. Свет от фонаря выхватил из мрака хрупкую фигуру девицы в изношенной пыльной накидке.

— Пустите переночевать, добрые люди, — тихим, заметно дрожащим голосом попросила она, прижимая закоченевшие ладони к груди.

Мужик поколебался, метнул взгляд на темноту за ее спиной.

— Ступай подобру-поздорову, — ответил он, поворачиваясь, чтобы закрыть дверь.

Нежданная гостья напряглась, голос стал настойчивее:

— Я давно в пути, голодна и замерзла. Позвольте остаться хоть на одну ночь. Коли нельзя в вашем доме заночевать, скажите, кто меня может приютить? А как никто не пустит к себе хоть в хлев, заночую под открытым небом. Так не все ли равно, где и как мне помирать?

Хозяин долго, не мигая, смотрел в ее темные, бездонные очи, в которых отражался огонек от фонаря. Потом вздохнул и отступил в сторону.

— Войди, коли смерти не боишься, — сказал он, впуская путницу в сени.

Когда гостья зашла, мужик поднял фонарь повыше и с тревогой посмотрел по сторонам, но ничего не разглядел в сгущающемся мареве.

Войдя в дом, девица низко поклонилась обитателям и образам и скромно остановилась у входа. Она оказалась в большой уютной избе, посреди которой стояла источавшая тепло печь. Внутри невероятно вкусно пахло деревом, а вся простая мебель и утварь были украшены затейливой резьбой. Кроме хозяина в доме жила пухлая розовощекая хозяйка, старый дед да пара детишек, которые сейчас с любопытством и страхом взирали на гостью с полатей.

Когда вслед за девицей зашел хозяин, хозяйка напустилась на него:

— Что это ты удумал? На кой ты красну девицу на погибель привел? Ладно самим помирать, а так еще другого человека губить!

Мужик только махнул на жену рукой:

— Молчи, Тася! А куда ее девать? На улице замерзнет! Авось, Бог не выдаст — свинья не съест. — И кивнул девице, — А ты заходи, дочка.

Та сняла свой драный плащ, под которым оказалось такое же поношенное платье. Тася тут же захлопотала, заохала и стала накрывать стол остатками нехитрого крестьянского ужина.

— Есть будешь? Мы тут скромно живем, к излишествам не привыкши.

Девица кивнула, принимая кусочек хлеба и миску каши:

— Спасибо, матушка. Я давно не ела горячей еды.

— Ты не серчай на Тасю, — попросил хозяин. Жена только фыркнула. — Она добрая, а что ворчит, так то для порядку, боязно ей незнакомых людей в дом пускать. Вдруг человек лихой окажется.

Гостью усадили поближе к печке и стали расспрашивать:

— Кто ж ты такая и откуда будешь?

— Меня звать Марфа, по батюшке Петрова. Батюшка-то десяток годов назад как помер, а матушка за ним ушла через три года.

— Так-то лет семь назад? Неурожайный был год, — сочувственно протянул хозяин дома.

— С тех пор я и скитаюсь по белу свету, своего счастья ищу.

— Эх, дочка, — вздохнула хозяйка, — на беду ты сюда пришла.

— А что так? — удивилась Марфа.

Хозяйка перешла на шепот, озираясь на окна:

— У нас в селе упырь завелся. Кажную ночь по домам ходит, — она перекрестилась. — Говорят, худая, долговязая тварь, с длинными руками и зубами-клыками. Куда зайдет — там наутро покойников находят.

Марфа задумалась, на мгновение перестав есть.

— Что ж никто не попытается поймать и изничтожить его?

— Все страшатся, — вздохнул хозяин, потирая подбородок. — Куда нам супротив нечисти-то?

— Стало быть, никто не пытался давать отпор? — тихо спросила девица.

Хозяйка показала на венки из целебных и обрядовых трав, развешанных над дверями и окошками от нечисти. Марфа еще как вошла, заприметила их.

— Мы повесили обереги, но, видать, это не помогает.

Марфа вздохнула, обведя стены мрачным взглядом, и пробурчала под нос:

— От доли не уйдешь, — а хозяевам сказала: — Давно я скитаюсь и, хоть не так долго живу, много чего пережила, а упырей еще не видала. Да и деваться мне особо некуда. Останусь у вас, коли вы не против.

Она наконец-то начала согреваться, однако все еще была голодна после скудного ужина. Усталость от долгого пути начала давать о себе знать. Ноги гудели, ныла спина.

Хозяйка постелила ей на полати, но Марфа попросилась лечь на лавке возле двери.

Потихоньку все улеглись и погасили свет. Какое-то время был слышен тихий шепот хозяйки с хозяином. Марфа различила в испуганном шепоте хозяйки: «Вась, неужто девочка ведьма?». И уверенный шепот хозяина в ответ: «Ну что ты, Тася!»

Потом все затихло. Слышался храп деда, похрапывание хозяина да сопение ребятишек.

Марфа, несмотря на усталость, никак не могла заснуть. Голова была тяжелая и сильно болела. Мысли крутились вокруг упыря. Много рассказывали о разной нечисти, но ее саму никто никогда не видал. Если находили утопленника — водяной затащил под воду. Коли замерз кто, так то Мороз. Да и саму Марфу принимали за ведьму. Вот и сейчас она с горечью вспомнила перешептывание хозяев.

— Сколько же мне придется еще скитаться? — тихо пробормотала она во тьму.

Она лежала так без сна и прислушивалась к звукам за стеной. Что-то скрипело, что-то ухало и шуршало. В трубе волком завывал ветер. Где-то поодаль залаяли собаки.

Девица, наконец, начала засыпать. И вдруг сквозь дрему ей почудились тихие шаги за окном.

Марфа затаила дыхание и открыла глаза. Кто-то, стараясь не шуметь, со скрипом петель вошел в сени. Послышался шорох. Медленно отворилась дверь в горницу, и во мраке избы из проема показалась страшная искореженная рука с длинными когтями. В горницу неспешно вплыла, пошатываясь, высокая темная фигура.

Девица едва дышала, а сердце, казалось, стучит так часто и громко, что его вот-вот услышит нечистый. Она нащупала холодную железку и судорожно сжала пальцы.

Половицы поскрипывали под тяжестью страшного существа.

Марфа откинула одеяло. Подскочила к упырю. И размахнулась стиснутой кочергой.

Глава 2

Упырь отшатнулся, и удар кочерги пришелся по руке. Послышался хруст. Нечисть взвыла.

Домочадцы повскакивали. Василий, щурясь спросонья, закрутил головой по сторонам. Тася кинулась к заверещавшим детям. Упырь, потусторонне завывая, бросился обратно за дверь. Марфа с кочергой застыла на месте, а хозяин дома — босой и в одной рубахе — выскочил следом за существом на крыльцо.

Вскоре запыхавшийся Василий вернулся. На улице стояла тишина, даже собаки молчали. Упырь как будто растворился во мраке ночи.

— Батюшки, неужто это и впрямь был нечистый? — шептала хозяйка, укладывая перепуганных детей.

— Похоже на то, — хозяин почесал затылок и повернулся к Марфе, неподвижно стоявшей посреди избы. — А как ты справилась с ним?

Марфа вздрогнула, скидывая с себя наваждение, и молча показала кочергу, которую до сих пор крепко сжимала. Опустившись на лавку, она обвела глазами семейство.

— Просто свезло, — пробормотала она.

Хозяйка глянула на мужа:

— Неужто и правда она одна справилась с таким чудищем?

До девицы звуки начали доноситься глухо, будто она заткнула уши. Голова стала совсем раскалываться, тело было каким-то ватным, мышцы ныли, налившись тяжестью. Глаза слипались. Она медленно легла на скамью.

— Этого упыря мы найдем и изничтожим. Завтра. Утро вечера мудренее, — пробормотала она, натягивая одеяло на голову.

Уже проваливаясь в сон, Марфа услышала испуганный шепот хозяйки: «Я ж те говорила, что она ведьма!»

Утром девица проснулась раньше всех. После ночной схватки сильно ныло запястье правой руки, голова гудела и трудно было собраться с мыслями. Но тут ничего не попишешь.

— Само пройдет, — поморщившись, решила Марфа, медленно сев на постели.

Спала путница мало. Сон давно не шел к ней, и иногда девица просто лежала с мыслью: «Скорее бы рассвет».

За окном серело осеннее утро. Постепенно начали просыпаться хозяева дома. Тася, увидев, что гостья уже не спит, смущенно пожелала ей доброго утра, принялась растапливать печь и замешивать тесто на хлеб. Проснувшийся хозяин был более радушен.

Они сели за стол. Тася поставила им крынку молока и подала хлеб. Дед и ребятишки еще спали.

Марфа попыталась налить молока в кружку, но чуть не выронила крынку, успев подхватить ее второй рукой.

— Что это с тобой? — кивнула в ее сторону Тася.

— Рука болит, — Марфа почувствовала, как ее уши начали гореть от того, что приметили ее слабость. — От кочерги.

Хозяйка охнула и, поискав у себя в рукоделии, достала красную шерстяную нитку.

— Вот, — она обвязала ниткой заметно распухшее запястье девицы. — Скоро пройдет.

Быстро поев хлеба с молоком, Марфа поблагодарила хозяев за гостеприимство.

— Упыря найти надобно, — уверенно начала она.

— Ну что ж, пойдем.

Вместе с хозяином дома, Василием, они вышли на двор. На улице моросил мелкий холодный дождь, как будто мрачное небо скорбело о мертвых и лило свои слезы. Марфа тут же продрогла. Дорожки в селе были отсыпаны песком, поэтому под ногами не хлюпала грязь.

Василий махнул рукой в сторону:

— У нас за селом погост. Может там поищем нечистого? Вдруг в какой могиле упырь схоронился?

Но Марфа покачала головой.

— Пойдем по домам, узнаем у ваших соседей, все ли хорошо и не было ли чего странного ночью.

Она направилась к ближайшему дому. Хозяин побрел следом за ней.

— Дед Вань, — покричал Василий, когда они подошли, и постучал в закрытые ставни, — у вас все ладно?

Дед приоткрыл дверь и, нахмурившись, уставился на соседа:

— Вроде все спокойно, спасибо Господу. Что стряслось?

— Да ночью к нам в дом нежить вломилась, — объяснил Василий.

— А это кто с тобой? — покосился на Марфу дед.

— Это путница. Звать Марфой. Кабы не она, не разговаривал бы я сейчас с тобой, дед Вань, — пояснил сосед.

Марфа низко поклонилась пожилому человеку, и тот наконец-то открыл дверь. Оглядев девицу с ног до головы, он пригласил ранних гостей зайти в дом, но Василий отказался:

— Нежить-то сбегла, — пояснил он. — Найти ее надобно. Вот и ходим по соседям. Вдруг кто что видал.

— Вон оно че. Погодите, я с вами. — Дед Иван шустро забежал в дом и вскоре вернулся уже одетый.

Пока шли к ближайшей избе, Василий рассказывал о ночном происшествии:

— Посередь ночи как завоет! Мы все поподскакивали!

— Да ты че! — восклицал дед и принимался креститься. — Ох ты ж, батюшки!

В следующем доме соседи тоже ничего странного ночью не видали и не слыхали. Узнав о случившемся, они присоединились к поискам.

По дороге к следующему дому дед Ваня пересказывал ночную напасть:

— А упырь как захохочет, как закричит: «Я вас всех сожру!»

— Свят, свят, свят! — крестились в ответ соседи.

Так они и шли от избы к избе. Толпа людей становилась все больше, а ночная бывальщина обрастала новыми слухами. Дошли до дома старосты.

Хозяин вышел из избы узнать, что в селе приключилось. Ему наперебой стали рассказывать о ночном переполохе с нечистью.

— Стало быть, ты тоже ничего не заметил, Афанасий? — спросил Василий.

— Да, у нас все хорошо, Вась, слава Богу! Кум Егор только захворал чего-то.

— Это который с ярмарки ехал и уже неделю у тебя гостит?

— Ну да. Лежит да стонет.

Марфа выступила вперед:

— Можно глянуть на него?

— А ты кто такая? — прищурился староста.

— Это Марфа, — пояснил Василий, кладя руку на плечо девицы. — Она путница. Мы приютили ее на ночлег. Это она отогнала нечистого.

— А с чего я должен ей кума показывать? — все так же спросил Афанасий.

— Я работала у знахаря помощницей. Немного понимаю в хворях, — Марфа учтиво поклонилась. — Дозвольте взглянуть, может, я смогу помочь.

Хозяин пропустил Василия и Марфу в дом, а толпа селян осталась судачить на улице.

Дом старосты был самым большим на селе. Внутри было несколько комнат. В самой дальней маленькой комнатушке без окна поселили на время кума. Сам Егор выглядел неважно. Он укрылся до самого подбородка и тихо стонал. С бледного лица стекали крупные капли пота. Старший сын Афанасия осторожно попытался поднять одеяло, чтобы Марфа осмотрела больного. Но тот вдруг вцепился в него одной рукой, словно в схрон.

— Нет! Нет! — завопил он. — Пойдите прочь!

Староста бросился помогать сыну, уговаривая родича дать взглянуть на него знахарке. В проеме двери столпились домочадцы, глазея на странное поведение хворого.

— Уж не бешенство ли? — всплеснула руками жена хозяина.

Наконец-то после непродолжительной борьбы одеяло отобрали. Теперь всем стала видна распухшая, багровая сломанная рука.

— А ведь я ударила упыря по правой руке, — тихо произнесла Марфа между стонами Егора.

— Кум — упырь? — опешил староста. — Да не, не может быть.

— Я ничего не сделал! — закричал тот, обхватив поврежденную руку здоровой.

— Когда ночью в дом вошел «упырь», — пробормотала Марфа, глядя на хозяина, — я ударила его по руке кочергой.

— Ах ты ведьма проклятая! — заорал кум, морщась от боли.

— А что у него в мешках лежит, что под лавкой? — продолжала бормотать под нос Марфа.

Староста побледнел и полез под лавку. Один из мешков был открыт. Сверху лежали перчатки с длинными металлическими когтями и темный плащ с капюшоном. А под ними много разного добра.

Афанасий побагровел и кинулся к куму:

— Что это! Слышь-но, что это я тебя спрашиваю?! — кричал он, потрясая перчаткой у носа Егора.

Он схватил родственника за грудки и выволок из постели.

— Афанасий, что ты удумал? — Василий повис у старосты на руке.

— А что с ним, с нечистью возиться?! Кол вогнать в грудь да сжечь упыря!

— Видать, не задалась торговля на ярмарке, — обронила Марфа. И уже громче сказала, обращаясь к куму старосты. — Ты ведь человек?

— Человек-человек я! — испуганно залепетал тот. — Бес попутал! Заработанное на ярмарке пропил. Как же ж воротится домой с пустыми руками…

— Ах ты ж! — взревел хозяин, выволакивая его на улицу. — Столько народу погубил, душегубец!

Столпившиеся на улице люди с удивлением взирали, как староста пинками выгоняет родственника.

За Афанасием выскочил растерянный старший сын:

— Батя?

— Запрягай телегу! Повезем на суд злодея!

Ничего не понимающая толпа начала расступаться.

— Вот он наш «упырь»! — закричал староста, пиная кума.

Тут до людей стало доходить, что происходит, и разгневанная толпа начала сжиматься вокруг убийцы. Послышался крик «сжечь нежить!». Но Афанасий остановил всех:

— Упырь не настоящий! Обыкновенный душегуб. На суд правый его везти надобно!

Тут же вызвалось на подмогу сторожить убийцу несколько дюжих мужиков.

Марфа наблюдала с крыльца за тем, как мужики затащили в запряженную телегу «упыря» и сели сами. Сын старосты направил лошадь к краю села и выехал на дорогу.

— Если б сей момент не уехали, народ его разодрал бы, — пробормотала Марфа себе под нос, глядя на удаляющуюся телегу.

Постепенно толпа начала расходиться, продолжая судачить и сыпать проклятиями вслед убийце.

Пошла и Марфа. Вскоре ее догнал Василий.

— Марфа, постой, ты куда? — окликнул он ее.

— Своей дорогой, — удивленно ответила девица, пожимая плечами.

— Да ну! Зима на носу, — махнул рукой Василий. — А у тебя даже теплой одежки нет. Оставайся у нас.

Марфа остановилась.

— Как так у вас?

— А так! Мы жизнью тебе обязаны. Ты все село спасла! Не знаю, как и благодарить тебя. Оставайся!

— А я вас не потесню? — Марфа все еще сомневалась.

— Что ты! Еды у нас в достатке. Угол тебе выделим. Решайся!

— Матушка Тася будет против, — колебалась девица.

Василий ненадолго задумался:

— Я с ней договорюсь. По хозяйству ей подсобишь, она и рада будет!

— Ну, коли помощь нужна, я завсегда рада подсобить.

Василий обрадовался. Они свернули и пошли к его дому.

— А чем вы на жизнь зарабатываете? — поинтересовалась Марфа.

— Я столяр и резчик. Вожу свою работу на ярмарку, — ответил Василий. — Бывает и ко мне приезжают за товаром. Мою работу люди знают — без дела не сижу.

— Так это ваших рук вся мебель и утварь в доме?

— Ну да. Я и соседям мастерю.

— Ладно, — задумчиво протянула девица. — Останусь у вас, коли ремеслу обучите.

— На кой оно тебе, красной девице? — удивился Василий.

— Всяко умение пригодится, — пожала плечами Марфа.

— Ну что ж, обучу. Но смотри, за работу буду спрашивать строго!

Так Марфа осталась жить у столяра Василия. Тася, конечно, недовольно бурчала первое время, но Марфа оказалась трудолюбивой девицей и исправно помогала по дому, и постепенно хозяйка смягчилась.

А вот детишки Марфу побаивались и сторонились.

Василий же, как и обещал, учил ее столярничать и все удивлялся, что девица так быстро все осваивает. «Эка ты ловкая!» — говорил он, глядя, как Марфа мастерит очередную поделку.

Селяне же на Марфу смотрели подозрительно. Никто ни разу не видел, как она улыбается, смотрит всегда исподлобья своими большими темными очами на худом личике. Когда не встретишь ее — она всегда за работой: то за водой идет, то за хворостом в лес, то белье в холодной полынье стирает, а то и дрова сама колет, коли Василий не успевает. И всякая работа у нее в руках спорится. А еще всегда девка что-то бубнит себе под нос.

Стали люди между собой говорить: уж не ведьма ли она. Марфа замечала шепот за спиной, но виду не подавала.

Однажды, идя за водой к колодцу, она застала яростную детскую перепалку. Хозяйские ребятишки повздорили с соседскими.

— …а по ночам она на метле в лес летает! — заявляли соседские дети.

— Ничё она не летает! Спит себе! — возражали хозяйские.

— Сами вы спите! Заворожила вас, вот и спите! А сама летает! — не унимались соседские. — Ведьма она, ведьма!

Марфа сделала вид, будто не поняла, что это про нее толкуют, и прошла мимо. Ребятишки кинулись врассыпную.

— Дети лишь повторяют за взрослыми, — с тяжелым вздохом пробормотала она, набирая воды.

В который раз все повторялось. Ее снова приняли за ведьму. Как только у людей появится повод, хоть малейшее сомнение в своей безопасности, они схватят ее и без колебаний сожгут. Она уже такое видела. Кого угодно сожгут, коли так спокойнее будет. Даже людей, по доброте приютивших ее. Вместе с их домом.

Дни становились длиннее, солнце пригревало сильнее. А шепот за спиной становился все громче и тревожнее. Долгая суровая зима была на исходе. Зазвенели ручьи, а мрачный густой лес зазеленел. И тогда Марфа подошла к Василию и Тасе, поблагодарила их за все и объявила, что уходит. Как столяр с женой ее ни уговаривали, как ни просили, она не захотела остаться. После весенней распутицы девица сложила в котомку свои нехитрые пожитки, немного еды на дорогу и пошла куда глаза глядят.

Глава 3

Майская погода обманчива: солнце ярко сияло, освещая верхушки крон золотистыми лучами, но внизу под сенью вековых деревьев царил холод и полумрак.

День близился к вечеру. Закат окрасил небо багровым светом, будто на горизонте вспыхнул пожар, и путница упрямо брела ему навстречу.

Привычный густой лес стал чуждым и враждебным. Стволы деревьев приняли вид невиданных гигантских чудищ. То тут, то там слышались неясные шорохи, будто кто-то наблюдал из-за кустарника. Пауки между ветвями плели свои сети, поджидая добычу. Птицы уже умолкли, готовясь к ночи. На охоту вот-вот выйдут совы. Их уханье раздавалось из глубины чащи. Под ногами хрустела и потрескивала лесная подстилка. Иногда за спиной чудились крадущиеся шаги. Но, когда Марфа оборачивалась, там было пусто. А впереди из глубины чащи доносился звон колокольчика, словно манящий путницу все дальше и дальше во мрак леса.

Чем дальше шла Марфа по узкой тропе, тем больше петлял путь, становясь нехоженым и заросшим.

— Лишь бы гроза не разразилась, — привычно пробормотала Марфа. — Алый закат к сильному ветру. А там и тучи нагонит. Коли просто дождь, так под деревьями пережду. А от грозы где-то укрываться придется.

Она прошла немного молча.

— Дождь хорошо, — вновь забормотала она. — Грибы пойдут — наемся до отвала. Правда, хворост сухой не найдешь тогда. Надобно ждать, пока высохнет.

Звук собственного голоса ее успокаивал.

— Хорошее село было, — с сожалением проговорила она. — И Василий с Тасей добрые. Жалко. Коли бы не другие, так бы у них и осталась.

Она заметила у тропинки небольшой чурбачок и подобрала.

— Ладный гребень выйдет.

Счистив кору и оглядев деревяшку, она положила заготовку в котомку.

Зимовка у столяра ей пришлась по нраву. Однако она не хотела накликать беду ни на себя, ни на добрых людей.

Когда-то давно она уже испытала слепую ярость толпы. Тогда ей удалось спастись. А вот знахарю, у которого она работала помощницей — нет. До сих пор она с ужасом вспоминала тот день, когда, затаившись в лесу, видела отсветы кострища и слышала вопли горящего на нем человека.

Теперь, почуяв, что ее подозревают в ведовстве, она старалась исчезнуть как можно быстрее.

Тропинка резко свернула у оврага, и вдруг Марфа увидела перегородившее путь поваленное бревно. А на бревне сидел странного вида мужик в залатанной одежде. Лицо у него перекосило, верхняя губа раздвоена, и, хоть он не казался старым, волосы у него были совершенно седые.

Он сидел и смотрел перед собой пустым взглядом.

Марфа остановилась в нерешительности.

Мужик вдруг повернул к ней голову и посмотрел ей прямо в глаза. Девица ощутила, как во рту резко пересохло, а ладони вспотели. Она застыла как вкопанная, не в силах пошевелиться, как будто перестала дышать, а сердце, наоборот, забилось так часто, словно пыталось вырваться из груди и убежать.

Уродливое лицо мужика расплылось в дикой ухмылке.

— Ба-а-ба! — протянул он, вскакивая с бревна и бросаясь к Марфе.

Девица вздрогнула и опрометью кинулась назад по тропе. Мужик бросился за ней.

Она бежала что есть дух, но преследователь оказался проворнее, и он быстро начал ее нагонять. Марфа резко свернула с тропы в заросли, не обращая внимания на колючие стебли, цеплявшиеся за одежду и царапавшие ноги. Мужик, не сбавляя хода, тоже полез в гущу. Кругом затрещали ветки. Добравшись до ближайшего ствола, девица опустилась на четвереньки и поползла в сторону следующего дерева, скрытая зеленью.

— Ау! — закричал преследователь, продолжая пробираться сквозь заросли. — Куда ж ты спряталась?

Марфа как можно тише добралась до дерева и, спрятавшись за ним, достала из складок подола кочергу. Она сжала ручку, готовая отбиваться. Кусты трещали все ближе. Марфа замерла, сжимая железку побелевшими пальцами. Вдруг наступила тишина. Девица вся обратилась в слух. Ни треска, ни шороха — лишь уханье сов да стук ее собственного сердца.

— Ку-ку! — мужик выглянул из-за дерева и тут же получил кочергой по голове.

Но это его не остановило.

— Ах ты тварь! — разъярившись, он кинулся на Марфу с кулаками и получил снова холодным железом, и еще, и еще.

Девица в ужасе била куда попало. По кочерге текла кровь. А мужик по-прежнему стоял на ногах. Наконец он пошатнулся и упал на спину. Со стоном перевернулся. Встал. Марфа приготовилась снова отбиваться, но странный мужик оставил попытки напасть и, спотыкаясь и падая, пошел через чащу, оставляя за собой кровавый след.

Марфа, тяжело дыша, стояла, прижавшись спиной к стволу дерева и крепко сжимала кочергу, с которой капала кровь.

Она прислушивалась, как ее преследователь бредет через кусты. Его стоны и шаги постепенно удалялись, забирая вправо. И ей вдруг почудилось, что этот жуткий полоумный не человек вовсе и что сейчас он, несмотря на раны, которые она ему нанесла, сделает круг и, выглянув из-за дерева, вновь скажет «ку-ку!». Не опуская своего оружия, она медленно пошла по следам раненого, поминутно оглядываясь и прислушиваясь.

Шла она довольно долго, на лес опустились сумерки. Ей начали мерещиться отовсюду страшные тени. Однако следы не заканчивались и вывели ее наконец на полянку, посреди которой оказалась покрытая мхом и сухой травой землянка. Именно туда и вела кровавая тропа.

Марфа услышала доносившийся изнутри плач и осторожно подкралась к приоткрытой двери.

Заглянув внутрь, она увидела распростертое на земляном полу тело мужика. К нему, обнимая, припала отроковица лет четырнадцати. Она вся перемазалась в чужой крови и, рыдая, размазывала по щекам слезы.

Марфа, пригнувшись в низком дверном проеме, тихо вошла.

Девочка вздрогнула и повернула к ней заплаканное лицо.

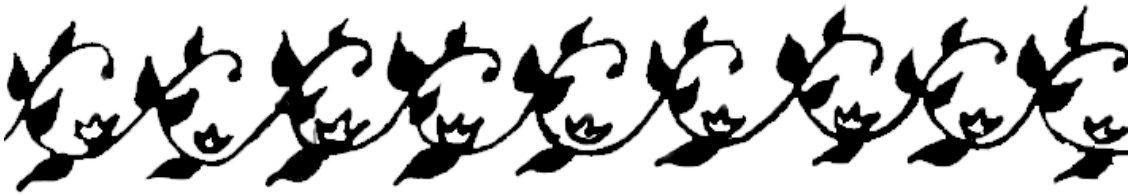
— Пожалуйста, не надо! — в ужасе закричала она, увидев у Марфы окровавленную кочергу.

— Нет-нет! Я не обижу тебя! Он мертв? — она кивнула на тело, не спеша прятать кочергу.

Девочка закрыла лицо руками и принялась рыдать еще сильнее. Марфа поняла, что ничего от нее не добьется, и медленно подошла к мужику. Проверила дыхание и убедилась, что тот мертв. Только после этого спрятала свое оружие в складки подола, привесив на потайную петлю у пояса, и присела возле девочки.

— Кто меня теперь будет кормить и поить?! — наконец смогла выдавить несчастная из себя между рыданиями.

Марфа неловко погладила ее по голове, не зная, как утешить ребенка. А та, чувствуя поддержку незнакомки, потихоньку начала успокаиваться.



Глава 4

Небольшая землянка пропахла сыростью и дымом. Под низким потолком висели связки сушеного мяса, грибов да кореньев. Из мебели была лишь лавка да колоды вместо стола и скамей.

— Как тебя зовут? — Марфа пыталась всеми силами успокоить девочку.

— Таня, — она все еще плакала, но уже тише.

— Ты тут живешь?

— Да.

— А это кто? — Марфа кивнула на тело.

— Гриша! — отроковица снова зарыдала.

— А он тебе кто?

— Муж мой.

— Сколько ж тебе лет?

— Не помню. Мы тут вдвоем с ним живем… жили!

Марфа перестала допытываться, чтобы не расстраивать дитя. Хотя вопросов было много. Так они посидели еще немного, пока девочка не успокоилась и начала изредка тихо всхлипывать.

— Знаешь, Танюш, тебе нельзя тут оставаться. Ты сама откуда?

— Не помню.

— Это как так?

— Помню только, что тут жила. Гриша на охоту ходил, грибы и ягоды собирал. А я тут по хозяйству поралась.

Марфа подумала, что делать дальше. Ребенка одного в лесу она бросить не могла. Солнце уже село, и все равно нужно было где-то ночевать. Землянка для этого подходила лучше всего. Но посреди жилища лежало тело.

— Танюш, у тебя есть лопата?

— Нет. А зачем?

— Гришу надо похоронить.

Девчушка, покопавшись в углу, принесла деревянный заступ.

Марфа нашла место, где земля на поляне была помягче, и выкопала неглубокую яму. Вдвоем с девочкой они уже затемно перекатили тело Гриши на одеяло и волоком дотащили до могилы. Когда Марфа закапывала яму, Таня снова зарыдала.

Вернувшись под крышу, они растопили печурку и улеглись вдвоем спать. Отроковица плакала и никак не могла заснуть. Марфу, по обыкновению, мучила бессонница.

— Ничего, — утешала она дитя, — утро вечера мудренее.

Наконец они уснули. А утром собрались и пошли через лес. Марфа все время пыталась выведать у Тани, как она тут оказалась и где жила до этого. Но та ничего не помнила о своей жизни. Дорога через чащу выматывала девочку. Она все время вздрагивала чуть ли не от каждого шороха и старалась не отходить от Марфы ни на шаг. Та привычно осматривалась и прислушивалась, выбирая более легкий путь, чтобы поберечь ее. Через несколько дней они вышли из леса и увидели деревушку, среди уходящих вдаль полей.

В небе с утра нависали темные тучи, моросил мелкий дождь. Среди травы ярко алели маки, точно пятна свежей крови.

— Тут нам могут помочь, — Марфа выдохнула.

Таня же, напротив, вцепилась в подол платья девицы.

— Нет-нет-нет, — замотала она головой. — Я хочу домой!

— В лес? — Марфа нахмурилась. — Как ты там жить будешь? Того дома для тебя больше нет. Нужно искать новый.

Она взяла дитя за руку и решительно направилась в селение.

Деревушка была небольшая, но чистенькая, уютная.

Пройдя немного по улочке, Марфа увидела работавшую в огороде бабку.

— Бог в помощь! — Марфа низко поклонилась. — У вас в округе люди не пропадали?

— Люди нет. — Бабка выпрямилась, держась за поясницу. — Скотина пропадает, а чтоб люди… Хотя погодь! Года три назад поповна пропала. Пошла в лес за грибами да не вернулась.

Марфа украдкой посмотрела на девочку.

— А где его найти?

— Кого?

— Попа.

— А! А чего его искать? Подле церкви он живет. До церкви-то выйдете, коли сейчас прямо пойдете.

Марфа с Таней поклонились и пошли дальше.

Церковь для такой деревушки оказалась довольно большой. Видать, приход со всей округи собирала. Рядом с храмом находился небольшой дом попа.

Марфа поднялась на крыльцо и постучала в дверь. Таня осталась стоять поодаль, испуганно переминаясь с ноги на ногу.

Открыл сам хозяин. Он посмотрел на Марфу, как на нечистого, и она на мгновение запнулась от этого взгляда.

— Доброго дня! — девица поклонилась. — Нам сказали, что у вас…

Священник перевел взгляд на Таню, и брови у него поползли вверх. Он отодвинул Марфу в сторону и сбежал по крыльцу. На сгибающихся ногах он подошел к девочке.

— Танюшка?.. — позвал он, охрипшим голосом. — Танечка?!

Отроковица перебегала взглядом широко распахнутых глаз с Марфы на попа.

На крыльцо вышла попадья с корзинкой. Увидев дитя, она выронила ее из рук и, пошатнувшись, прижала ладонь к груди. Марфа придержала ее.

— Танечка, доченька! — батюшка обнял девочку и зарыдал.

— Тятя? — она неуверенно обняла его в ответ.

Матушка пришла в себя и осторожно, словно боясь спугнуть наваждение, подошла к мужу с дочкой.

— Танюша! — дрожащим голосом позвала она. — Дитятко мое!

— Мама?

Попадья высвободила ребенка из объятий мужа и повела в дом. Поп же, все еще всхлипывая, упал на колени и стал истово молиться.

Воздав хвалу Всевышнему, он заметил Марфу, по-прежнему стоявшую на крыльце.

— Кто ты, девица? — он подошел к ней с счастливой улыбкой.

— Меня зовут Марфа, я сирота. Хожу по белу свету — своего счастья ищу.

— Заходи к нам в дом — покушай да отдохни с дороги, — батюшка распахнул перед ней дверь.

Марфа на секунду заколебалась, но воспользовалась приглашением.

Дом, как и полагается священнослужителю, был скромным. В красном углу стояло много икон, пахло ладаном. Марфа перекрестилась и поклонилась. Матушка уже успела умыть Таню и посадить ее за стол, уставленный едой. Пока дочка ела, попадья расчесывала гребнем ее волосы.

Хозяин усадил Марфу и сам стал ее потчевать.

— Мы-то уж и не надеялись, что Танюшка вернется, — сказал он, понизив голос, чтоб дочка не услышала. — Похоронить хотел, да супруга убивалась. Не смог. Как же ты ее нашла?

— Случайно, батюшка. Я шла из деревеньки, что за лесом, и увидела ее в чаще. Она не помнила, кто она и откуда. Думала, что в лесу живет, — тихо поведала Марфа.

— Не иначе как Господь ей тебя послал!

— А нет ли у вас в деревне работы какой?

— Работа всегда есть. Справляемся с Божьей помощью. Коли ты ищешь заработок, надо спросить в соседнем селении.

— А может, кто у вас в деревне купит поделки? — Марфа достала из котомки искусно вырезанные из дерева ложки.

— Ишь ты! Никак работа столяра Василия?

— Я у него зиму помогала по хозяйству. — Марфа умолчала, что ложки вырезала сама. — Это моя оплата.

— Купить-то купят, да много денег так не заработаешь, — батюшка задумался. — Вот что: на Иванов день около престольного града будет ярмарка. Думаю, твои ложки там втридорога возьмут!

Марфе пришлось рассказать про то, как она нашла Таню, про жуткого мужика и землянку.

К вечеру уже вся деревня знала, что поповна вернулась домой из лесу от лешего.

Заночевала Марфа в доме попа. А на следующее утро с рассветом отправилась в путь. На дорогу она получила благословение и немного еды.

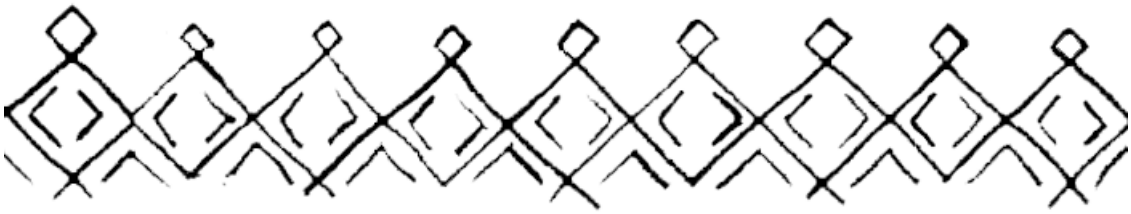
Отправиться на ярмарку было рискованно: много людей, много стражи, много внимательных глаз. Но если она устроится в подмастерья к торговцу, то сможет хорошо заработать и уехать с каким-нибудь обозом в соседнее государство.

Марфа успела отойти совсем недалеко от деревни, как ее догнала повозка с двумя хорошо одетыми мужиками. Один был повыше, а другой, управлявший лошадью, потолще.

— Это ты, что ль, поповну нашла? — окликнул Марфу тот, что был повыше.

Она молча кивнула в ответ.

— Наш боярин слышал про великую ворожею и послал нас за тобой, — тот, что потолще, натянул вожжи, и повозка со скрипом остановилась. — Залезай!



Глава 5

Марфа ехала в тряской повозке. Слуги устроились вдвоем на облучке и сидели молча, изредка нет-нет да и поглядывая на нее. Видать, охота была поглядеть на диковинную ворожею, что людей находит, да от чудищ спасает. Девица же думала, как теперь быть. Отказаться от приглашения боярина она не могла. А ну как осерчает и позовет стрельцов, а те и сожгут ее как ведьму. Сказать прямо, что она не ворожея, тоже нельзя. Или решат, что она обманщица и посадят в темницу, или опять же примут за отказ и казнят. Марфа так задумалась, что по привычке начала рассуждать вслух. Слуга, тот, что повыше, толкнул своего приятеля в бок. Тот непонимающе уставился на него.

— Чего?

Высокий вытаращил глаза и едва заметно кивнул в сторону Марфы. Товарищ нахмурился и тоже услышал, как ворожея что-то бормочет. Они проехали еще немного, напряженно вслушиваясь. Толстяк уверенно разобрал: «сказать боярину?» и «так посадят, а то и казнят».

— А боярин гневлив? — внезапно обратилась Марфа к слугам.

Возница от неожиданности натянул поводья, и старая кляча, тянувшая повозку, остановилась.

— Почему вы остановились? — насторожилась Марфа, нащупывая кочергу.

— Мы это... — неуверенно начал толстяк.

— По нужде! — нашелся его товарищ.

— Да!.. По нужде!

И быстро спрыгнув с повозки, они скрылись за ближайшим деревом.

— Слышь-но чо, Сень! — быстро зашептал высокий и сделал страшные глаза. — Видать, она уже поворожила, да все знает!

— Да ну, Сань! Что она там может знать?

— Ты видал, как она зыркала на нас-то? Как будто прямо всю душу наизнанку вывернула!

Толстяк задумался над услышанным: «посадят или казнят».

— Знаешь что, Сань, сознаться нам надо! Авось боярину-то она нас не выдаст!

— Да ну, Сень, а вдруг в кого обратит?

— Так а мы ей заплатим!

На том и порешили.

Когда они вернулись к повозке, Марфа сидела ровно, как палка, сжимая пальцы на кочерге так, что костяшки побелели.

Мужики же, неловко потоптавшись возле повозки, попадали на колени и стали биться лбами оземь.

— Смилуйся, кудесница! — завопили они наперебой. — Не губи, милая! У нас семьи есть, дети малые! Не лишай их кормильцев, родимая!

Брови Марфы на мгновение поднялись от изумления, но затем она совладала с собой и нахмурилась больше обычного.

От ее сурового взгляда слуги заголосили еще больше.

— Не выдавай боярину, что мы сундук взяли! Бес попутал! У нас семеро по лавкам — кормить поить надо! Богом клянемся, больше никогда чужого не возьмем! Бери что хочешь, все деньги тебе отдадим, пощади только!

— Сундук где? — бросила Марфа. И ее слова прозвучали как стук молотка, забивающего гвозди в крышку гроба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.